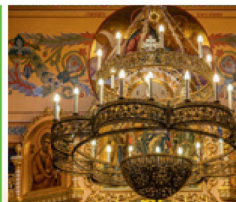

Елена Тростникова

Первые шаги в православном храме

- Устройство православного храма
- Пояснение молитв, богослужения
- Рассказ о Таинствах Церкви

Елена Викторовна Тростникова
Первые шаги в православном
храме (двенадцать
совместных путешествий)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33177039

*Первые шаги в православном храме (двенадцать совместных
путешествий): Москва; 2016
ISBN 978-5-7789-0293-0*

Аннотация

«Первые шаги в православном храме» – своего рода путеводитель по церковной жизни, в котором последовательно объясняется устройство православного храма, дается понятие о святых, молитве, богослужении, праздниках и Таинствах Церкви. Книга рассчитана на читателей, желающих начать приобщение к Церкви и получить первые наиболее необходимые понятия о православном храме.

Содержание

На кого опереться?	5
Зачем приходят в храм	9
Удел Божий	16
Путешествие первое: по дороге к храму	19
Как подготовиться к посещению храма	20
Как правильно перекреститься	25
Как войти в храм	28
Пространство храма	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Тростникова
Первые шаги в
православном
храме (двенадцать
совместных путешествий)

© Тростникова Е.В., 2016

* * *

На кого опереться?

Первые шаги в православном храме... Эти слова понятны всем и так естественны! А ведь вряд ли придет в голову сказать: «Первые шаги в новом доме» (да хоть и «во дворце»!) – как бы ни был он велик. Так можно сказать только в том случае, если впереди лежит большой, необозримый путь. Пусть человек и не пройдет его до конца, даже и до середины, но уже первые шаги изменяют его пространство, его горизонт.

Но они же – и самые трудные. Это всегда путь в незнакомое, где ты неопытен, так мало понимаешь и все кажется тебе чужим...

Эту неловкость на пороге храма чувствовали все, кто не вырос среди церковных стен, а уже в сознательном возрасте начал знакомство с Церковью. Все по-разному преодолевают ее, иным не удается это годами – так и остается человек опасливым наблюдателем издалека. Не знаешь, кого спросить, куда повернуться, стыдишься глупых вопросов и неуместных поступков, боишься ошибок и несуразностей.

Я – крещеная. Но к церкви не приучена. И сейчас, когда мне захотелось посещать храм, то оказалось, что я ничего не знаю... Во-первых, когда нужно приходить в церковь? На службе я ничего не понимаю, стою, как в театре, смотрю, что делают другие люди, то и я стараюсь делать.

Если прийти днем, когда служба закончилась, то как

можно поговорить со священником? Возможно ли такое?

Далее: какие иконы есть в храме, каким иконам и святым нужно молиться о здравии близких, о том, чтобы работа ладилась, чтобы жизнь хоть чуть-чуть стала поудачнее? Какие молитвы нужно знать, что нужно говорить, подходя к храму и у иконы? Какие свечи ставят к иконам и зачем? Как себя ведут при этом?

Как найти себе духовного отца, можно ли исповедоваться не во время службы, а в другом храме духовному отцу?

Правда ли, что перед тем, как пойти к службе, нужно неделю соблюдать пост? Что такое причастие? Нужно ли причащаться и как часто? Как себя при этом вести?

Я не вижу различий между службами, молебнами, проскомидиями... Не знаю, когда и что именно нужно заказывать. В каких случаях заказывают сорокоуст?

Пока я веду себя в храме несколько неуклюже, и это смущает меня¹...

Немало книг написано для таких неопытных, «новоначальных» посетителей храма, чтобы облегчить им путь. Обычно это совсем маленькие брошюры, они разъясняют многое, но далеко не все, что теснится в уме человека, собирающегося посетить храм.

Как малышу, который делает свои первые шаги, как но-

---

¹ В книге *светлым курсивом* набраны реальные вопросы людей, стремящихся совершить свои первые шаги в православном храме. Если ответ на них принадлежит священнику, то указывается его имя и место служения. Если священник не указан, значит, далее следует ответ автора книги.

вичку, пришедшему в дружный класс или в сложившийся творческий коллектив, человеку, приходящему в храм, хочется (хотя бы в глубине души) опереться на чью-то твердую и дружественную руку. Книжных энциклопедических сведений недостаточно там, где явно идет насыщенная, особенная, неожиданная в своих проявлениях жизнь.

Очень редко с кем рядом оказывается такой компетентный, понимающий и, главное, любящий друг, который смог бы ввести в эту жизнь.

Конечно же, книга не сможет заменить близкого и понимающего друга. И все же... Основана она на опыте именно такой дружеской поддержки по отношению к тем, кто лишь топтался на пороге православного храма. На личном опыте автора, более двух десятилетий тесно связанного с храмовой жизнью и церковно-просветительской литературой, и в такой же мере – на опыте многих пастырей и архипастырей Церкви, церковных миссионеров. Поэтому в книге приводятся выдержки не только из книжных, журнальных и интернет-публикаций, но и из ответов, полученных в частной переписке или на давно затерявшихся страницах православных интернет-форумов.

Одной вводной экскурсии по православному храму явно недостаточно, чтобы наш читатель мог уверенно двигаться дальше. Их получилось двенадцать, этих путешествий-собеседований, а могло бы быть и больше. Но дальнейшие пу-

тешествия читатель сможет совершать уже сам, с помощью других книг или других людей. А мы пожелаем, чтобы это были уже не просто познавательные экскурсии, а настоящие путешествия – в мир веры, надежды и Любви.

Зачем приходят в храм

Митрополит Антоний Сурожский², ушедший от нас в 2003 году, неоднократно рассказывал такую историю:

«Пришел однажды к нам в храм, лет двадцать пять тому назад, мужчина – принести какую-то посылку одной прихожанке. Он не был крещен, был убежденный безбожник – в том смысле, что не верил, что есть или может быть какой бы то ни было Бог. Он рассчитывал свой приход так, чтобы прийти к самому концу службы, дабы не терять времени в храме, но судьба – или Бог! – его привели сюда раньше конца всенощной. Ему пришлось сесть на скамейку и ждать. Потом он мне рассказывал: “Я пришел, сел на скамейку с чувством раздражения и обиды, что так промахнулся и теперь надо

---

² В миру Андрей Борисович Блюм (1914–2003). В раннем детстве оказавшись в эмиграции в Париже, после средней школы окончил биологический и медицинский факультеты Сорбонны. В начале Второй мировой войны перед уходом на фронт хирургом французской армии принял монашеские обеты, а в 1943 г. – постриг. Участник антифашистского подполья. После войны продолжал медицинскую практику до 1948 г., когда принял священнический сан и был направлен на служение в Англию, в Лондон. В ноябре 1957 г. был рукоположен во епископа. С 1962 г. владыка возглавлял в Великобритании созданную в рамках Западно-европейского Экзархата Московской Патриархии Сурожскую епархию. За годы служения владыки Антония в Великобритании единственный приход, объединявший малочисленную группу эмигрантов из России, превратился в многонациональную епархию, канонически организованную, со своим уставом и многообразной деятельностью.

терять время, и вдруг почувствовал, что в этом храме есть “что-то” (как он выразился – “какое-то присутствие”). Я тогда стал это анализировать и решил, что это на меня влияет полумрак, мерцание свечей, одурманивающий запах ладана, заунывное пение и (как он выразился напоследок) “коллективная истерика верующих”. Но его это настолько поразило, что он решил проверить и поставил мне вопрос, как я это объясняю. Я ему сказал: “Это присутствие Божие”. – “Этого не может быть, потому что Бога нет!”. Я ему предложил прийти и посидеть в церкви, когда никого нет, кроме него и Бога. Он стал приходить и сидеть подолгу и мне сказал как-то: “Я не знаю, как это назвать, но я теперь знаю, что в этом храме нет пустоты, что в нем есть какое-то как бы “густое”, конкретное присутствие, которое вы, вероятно, называете Богом. Но зачем мне такой Бог, – пусть Он и живет в этом храме, – если Он на меня никак не воздействует?”. Я ему сказал: “Если не воздействует, Он вам незачем, и не приходите”. – “Нет, – говорит, – буду приходить, потому что я озадачен еще другим: я заметил, что у людей, которые бывают в церкви, после богослужения и особенно после причащения Святых Таин совершенно иные лица, они на себя не похожи, что-то с ними случается; значит, ваш Бог над ними что-то совершает. Я себя чувствую как бы трупом по сравнению с ними, и мне нужно ожить. Что мне делать, чтобы Бог и надо мной это сделал?”. Ну, мы с ним стали встречаться, и со временем он крестился. И таких различных примеров

очень много»³.

Герой этой истории пришел в храм «случайно», по постороннему делу: попросили передать что-то, – и пришел, как пришел бы к вокзалу или скамейке в парке. Но здесь он обнаружил то, за чем (или, скорее, за Кем) приходят в храм все те, кто делает это целенаправленно.

Сколько их, человеческих мотивов и причин для прихода в храм! Поставить свечку перед экзаменом... попросить исцеления для близких... послушать красивое пение... увидеть красоту... освятить куличи или набрать святой воды... приобщиться к религии предков или ощутить национальную идентичность... наконец, убедиться, что Бога нет и всё – обман (не так уж мало людей приходят в храм с этой мыслью), но разобраться в механизме действия этого «обмана». Всего не перечислишь. И все-таки приходят сюда всегда потому, что знают: это – дом Божий (это знает даже атеист, уверенный, что Бога и нет!). Даже если человек идет «набрать воды», или «просто поставить свечку», или «просто посмотреть», он приходит в место, о котором знает: здесь – иное пространство, здесь особые смыслы.

Конечная и глубинная цель прихода в храм – всегда встре-

---

³ *Антоний (Блюм), митрополит Суражский*. Дом Божий: Три беседы о Церкви. Клин: Христианская жизнь, 2001. Здесь и далее мы даем отсылки только к самим книгам и публикациям, не указывая страниц, так как наша цель – указать на имена и авторитетные источники церковной литературы, а не на конкретную цитату.

ча с Богом. Но человек может сам этого не знать или... не позволять себе знать.

Но лучше опять дадим слово одному из замечательнейших православных архипастырей минувшего века – **митрополиту Антонию Сурожскому**.

«Есть люди, для которых Церковь – просто откровение, потому что они в ней что-то увидели. Я вам пример могу дать. Я принимал в православие уже давным-давно одного молодого человека. Он был сыном методистского пастора, который сам ко мне пришел и сказал: “Знаете, мой сын почти глухой. Он ходит к вам в церковь, потому что у методистов все построено на слове: пение и проповедь; а у вас что-то *происходит*, и он смотрит и понимает, *что* происходит. Можете ли вы его принять?”. Я его тогда подготавливал; читать он умел и сколько-то слышал, говорил с большим трудом, то есть мне пришлось учиться его понимать, а не ему – меня. Для него православная церковь оказалась церковью, в которой он может молиться, потому что он как бы мог молиться глазами, уши ему не были нужны. Когда он познакомился со значением нашего богослужения, он за ним мог следить глазами, зная: теперь я на таком-то или таком-то месте.

А есть другой тип людей, которые пришли к Богу не обязательно через церковь, а через какой-то внутренний опыт и для кого церковь может оказаться родным домом.

Но для некоторых то, что происходит в Церкви, оказывается настолько сложно и порой чуждо, что это им мешает

в духовной жизни. Я думаю, что такие люди имеют полное право быть верующими, жить духовной жизнью на том уровне, и на том основании, и в таком виде, в каком они живут. В какой-то момент они через свой внутренний опыт, может быть, уловят опыт других людей, который смогут разделить с ними в храме, в Церкви, в молитве. Но нельзя говорить: “Раз он не ходит в церковь, он не наш” или: “Он ошибается, неправ”. Я думаю, что люди приходят к вере очень различно в этом отношении. И меня несколько пугает то, что часто происходит в Русской Церкви: людей стараются научить, *как себя вести*, тогда как надо было бы им говорить: “Веди себя, как хочешь (ну, в пределах разума или приличия), и жди, чтобы в тебе родились такие чувства, которые сделают для тебя естественным то, чего Церковь от тебя ожидает и что верующие делают”. Святой Августин в своих писаниях говорит: “Научись любить и делай, что хочешь”. Это не означает, конечно, произвола, это не значит: “Бесчинствуй, развратничай”. Но это значит: не заковывайся сначала в форму, потому что она тебя задушит, если это не естественная *твоя* форма.

Я знаю, например, людей, которые были неверующие, потому что думали, что быть верующим значит быть некультурным, и вдруг, прочитав то или другое произведение, скажем, Достоевского, обнаружили, что можно быть высококультурным человеком, с большим умственным размахом, и будучи верующим. И это им помогло, они перестали сты-

даться быть верующими. Есть другие люди, которые обнаруживают в себе какой-то внутренний голод по чему-то, что нематериально, невидимо, обнаруживают неосязаемый мир. Они решаются питать эту свою нужду всем, что может ее напитать: какой-то молитвой, каким-то переживанием хотя бы в природе, какими-то переживаниями от чтения той или другой литературы. В них развивается, зреет внутренняя духовная жизнь, и, встретивши Евангелие или человека, который может им Евангелие передать (не научить словами, а как-то перелить из души в душу), обретают Христа и идут дальше. Пути очень разные»⁴.

«И каждый храм – ваш, здесь, и наш убогий храм тогда, и тысячи других храмов – является местом, где на земле Бог у Себя дома. Сколько есть мест, где теперь Ему нет ни пути, ни приюта. Сердца закрылись, и умы закрылись, и воля отвернулась, и жизнь пошла иным путем по лицу всей земли. И однако вера каких-то людей – многих, немногих – создает приюты для Живого Бога, для Царя неба и земли, место, где Он у Себя, место, куда к Нему – не к нам, священникам, а к Живому Богу – могут прийти скорбные, истерзанные души, куда можно принести радость и горе, куда может прийти всякий человек, верующий, неверующий, – только бы была у него в душе скорбь, которой он не может выдержать, или радость, которая слишком велика для земли»⁵.

---

⁴ Антоний (Блюм), митрополит Сурожский. Дом Божий: Три беседы о Церкви.

⁵ Антоний (Блюм), митрополит Сурожский. Господь нам завещал радость...

Что нужно делать для того, чтобы укрепиться в вере?

...Отвечу, может быть, неожиданно, но выстраданно: прежде всего, не лицемерить, и тогда Господь воздаст и пошлет веру. Стараться никогда не делать вид, что ищешь Бога, но всегда искать Его.

Слово, произнесенное 26 мая 1968 г. в храме св. пророка Илии, что в Черкизово (Москва), после приветствия настоятеля // Электронная библиотека «Митрополит Антоний Сурожский»: [Электронный ресурс]. URL: www.mitras.ru/lubov/lub_vse_68.htm (дата обращения: 18.12.2015).

Удел Божий

«Храм – удел Божий. Что это значит? Это значит, что все пространство, которое обрамлено стенами этого храма, принадлежит Богу и что в этом мире, где Ему часто нет места в городе, среди общественности, в политической или частной жизни людей, храм для Него – как бы место убежища. Так не говорят никогда, конечно, потому что мы привыкли к тому, что Бог в убежище не нуждается. На самом же деле отвергнутый Бог теперь часто не имеет никакого места, которое принадлежало бы Ему, кроме храма; и вот в этом отношении храм является Его уделом. И замечательно то, что Бог сотворил весь этот мир, который осквернен, обезбожен, опустошен человеком; а храм создан людьми, которые остались верны Богу и создали такое место, где Он имеет право жить, где Он царствует, где Он хозяин и может совершать над нами, людьми, чудеса, которых никакая культура, никакая техника не может совершить. Это – удел Божий»⁶.

«В древности, как вы все, наверное, знаете, христиане были гонимы. Храмы не стояли явно для всех; христиане собирались в катакомбах⁷, в подвалах, в потаенных местах. Что представляли эти места для них? Это были места, посвящен-

---

⁶ Антоний (Блом), митрополит Суворжский. Войду в дом Твой...

⁷ Катакомбы – подземные ходы и помещения, служившие в древности местами отправления культа и захоронений.

ные Живому Богу, в Которого они верили. Весь остальной мир был враждебен Христу, христианской вере. Можно сказать, что и в современном мире положение храма в значительной мере таково же, потому что общество, среди которого мы живем, тем более – безбожное, активно безбожное общество, как бы поставило Бога, Христа вне закона. Бог не имеет права жительства, Он не имеет права законно существовать в той или другой стране, а если Он и существует, то игнорируется большинством жителей. И храм, стоящий посреди города, говорит людям, которые к Богу никакого отношения не имеют и не желают иметь, что у Него есть приверженцы, что люди в Него верят и вера их в Него достаточно сильна, чтобы построить храм или сохранить этот храм и молиться в нем, чего бы это им ни стоило.

Помню, как я впервые увидел Москву (это было в 1960 г.): современный город, здания, какие они есть – бездушные, бедность довольно явная. Меня повели в храм. Здания вокруг были мертвые; войдя же в храм, я вдруг оказался в царстве красоты. Знаете, есть замечательные слова у Платона⁸: он говорит, что красота – это убедительная сила истины. Я остановился перед этой красотой, которая была так непохожа на то, что я видел снаружи. Французский писатель в одном из своих романов описывает человека, который обнаруживает, что вокруг него настала какая-то непостижимая, глубокая тишина; он к этой тишине прислушивается и вдруг

---

⁸ Платон (428–348 до Р.Х.) – древнегреческий философ.

воскликает: “Да, в сердцевине этой тишины – живое присутствие Бога!..”. Так вот то, что составляет сердцевину храма, и придает жизнь красоте, которая иначе могла бы быть только эстетикой, – здесь она становится средоточием смысла»⁹.

К смыслам, обитающим в храме Божиим, мы и хотим подвести читателя. В последовательности наших путешествий мы исходили из того, что имеем дело с невоцерковленным читателем – новоначальным. Это может быть и человек, крещеный в детстве и не ходивший в храм, и вовсе некрещеный. Если вы не крещены, то, прежде чем решаться на этот шаг (или отвергнуть его), надо оглядеться, хоть немного понять, что такое Церковь и хотите ли вы туда. Если вы крещены, но у вас пока не складывалась церковная жизнь, у вас под рукой будет достаточно внятный путеводитель по этой малознакомой для вас стране.

А закончить затянувшееся введение к нашим путешествиям по храму хотелось бы словами женщины с одного православного интернет-форума: «Я могу десять тысяч раз ошибаться, но мне кажется, что это важнейший этап – сделать первый шаг, прийти в храм и не просто отстоять, осеняя себя крестом, или поставить свечи и уйти с благостной мыслью, что ты правильный христианин и все, что надо, сделал, а понять, осознать, что все не просто, – и начать двигаться...». Что же – в путь!

---

⁹ Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Войду в дом Твой...

Путешествие первое: по дороге к храму

Первое посещение храма можно совершить не обязательно во время богослужения. Мы сможем свободно осмотреться, свободно (но тихо и с благоговением) поговорить о том, что видим вокруг. И о том, как вести себя потом, во время церковной службы, мы тоже упомянем (чтобы вновь вернуться к этим вопросам позже, при разговоре о богослужении). Так что наши первые наблюдения и открытия будут относиться ко всему, что происходит в храме.

Как подготовиться к посещению храма

«Если понять, что содержание храма – это та тишина, та глубина, в которой находится Бог, то понятно делается, почему человек, идущий в храм, еще только пускаясь в путь, настроен так, как он не бывает настроен, когда идет на работу или в гости. В храм собираешься с того момента, когда просыпаешься и знаешь: я иду на встречу с Живым Богом. И одеваешься по-иному, и готовишься по-иному, и стараешься, чтобы разговоров лишних не было, чтобы ничто недостойное не рассеивало той глубины, в которой только и можно пережить содержание храма. И по дороге идешь серьезно; идешь, как на встречу с очень значительным или с очень любимым человеком, не рассеиваясь пустыми мыслями, а зная: я иду на встречу – ну, скажем просто – с возлюбленным, с самым дорогим, драгоценным человеком или существом, какое у меня есть на свете.

По церковным правилам (но, конечно, эти правила были писаны тогда, когда храмов было очень много и дорога из дому до храма была недолгая) по дороге полагалось читать молитвы. Начинали путь, сказав: «Благословен Бог наш, всегда, и ныне, и присно, и во веки веков». То есть навсегда Он благословен; что бы ни случилось, что бы со мной ни было, я благословляю Его имя. Эти слова говорят о том, что я Богу

верю до конца, что я иду на встречу с Ним и, что бы ни случилось по пути туда, в самом храме или на обратной дороге, имя Божие для меня святыня и я его благословляю.

Когда доходишь до самого храма, останавливаешься на мгновение: это дом Божий, это Божий удел.

И крестишься перед ним не только на икону, которая видна, но и на самый храм: это – место селения Божия. Вступая в него, мы говорим: *Вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, во страхе Твоем* (Пс. 5, 8). И, переступив порог, останавливаешься, не спешишь никуда, стоишь мгновение, потому что ты вошел в удел Божий. Все это пространство, все это место посвящено Богу в мире, который Его отрицает, который Его не знает, в мире, где у Него нет ни места, где главу преклонить, ни гражданства, ни права жительства. В храме Он дома; это место, где Он у Себя и принимает нас как хозяин; это святое место, куда можно вступить только с такими чувствами, которые достойны и самого человека, и Бога, на встречу с Которым идешь. И поэтому человек кладет на себя крест: “Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...”. Я вошел в Божий удел во имя Божие, я не принесу в этот удел ничего недостойного Его. Вернее, все, что недостойно, должно быть здесь очищено, омыто покаянием и обновлением души»¹⁰.

Внешний вид пришедшего в храм должен соответствовать

---

¹⁰ Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Войду в дом Твой...

и времени, и месту. Главное в одежде – чтобы она не смущала никого и не привлекала к себе пристального внимания (не отвлекала внимания на вас). Мужчины должны быть без головного убора, а женщины с покрытой головой (в сельском или провинциальном храме лучше быть в платке, в большом городском приходе допустимы шляпки, шапочки, но ни в коем случае не экстравагантные). Недопустимы шорты, очень нежелательна спортивная одежда у мужчин (вы же не придете в такой на официальный прием или на работу в офис – почему же допускать это в доме Божием?). Женщинам надо надеть юбку или платье, причем по возможности ниже колен и без вызывающих разрезов. В наше время многие женщины уже совершенно отвыкли от традиционной женской одежды, она кажется им физически неудобной. Если для вас расстаться с брюками – трагедия, можно надеть поверх них длинную ниспадающую одежду (в некоторых храмах предлагают повязать на талию большой платок и т. д.). Но и это не везде одобряется, а в монастырских храмах порой и оказывается недостаточным. Так что лучше уж переступите через себя и найдите женскую одежду: ведь благодаря этому вы будете себя чувствовать свободнее и избежите нареканий со стороны, лучше впишетесь в среду. Это довод для начала, а позже придет ощущение органичности такой одежды и ее красоты.

Приходя в храм, женщины должны свести к минимуму декоративную косметику, а губную помаду вообще не ис-

пользовать, иначе вам просто нельзя будет приложиться к иконам, на которых помада оставляет следы, катастрофически разрушающие красочный слой. Возможность поцеловать икону или иную святыню – это ведь тоже свобода для вас.

Есть определенные правила (одежды) для посещения церкви. Почему? Ведь перед Богом я что в юбке, что в брюках, что голая – одинаковая. Душа моя при этом не становится другой, в зависимости от надетой вещи? Отвечает **архиепископ Петергофский Амвросий (Ермаков)**¹¹

«Ну почему же? Дух творит себе формы. К примеру, просто воспитанный человек никогда не позволит себе пойти в зал консерватории на концерт классической музыки в шортах и кроссовках. Интеллигентный человек наденет строгий костюм, рубашку с галстуком или бабочкой.

Человек, который внимательно смотрит за состоянием своей души, обязательно заметит, что и от одежды зависит его поведение, мысли, пожелания. Строгая одежда ко многому обязывает. Это отмечали многие святые отцы. К тому же ваш неприличный внешний вид может вызвать нареkanie и соблазн со стороны окружающих. А вам известно, что “горе тому человеку, от которого приходит соблазн”. Есть вещи, которые подчас не стоит доказывать, как не стоит дока-

---

¹¹ Православие. ru: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/answers/> (дата обращения: 18.12.2015). На вопросы читателей интернет-портала Православие. ru владыка Амвросий отвечал в начале 2000-х гг., будучи иеромонахом, насельником Московского Сретенского монастыря.

зывать в математике аксиому. Впрочем, если вы просто не хотите принимать эту аксиому, убедить в ее истинности вряд ли представляется возможным. И тогда человек будет продолжать убеждать себя в том, что в храме можно быть и голым».

Как правильно перекреститься

Еще на подходе к храму принято налагать на себя крестное знамение – креститься.

Удивительно, сколько людей делает это неправильно или небрежно!

Крестное знамение – наше свидетельство о распятии Христовом; оно во всех обстоятельствах жизни употреблялось еще первыми христианами. Этот священный и страшный знак исполнен великой силы, и употреблять его следует четко, внимательно, без малейшей небрежности.

Три первых пальца правой руки (большой, указательный и средний) складывают вместе, в знак нашей веры в Единую и Нераздельную Пресвятую Троицу. Безымянный палец и мизинец пригибают к ладони, что знаменует два естества Господа Иисуса Христа (что Он есть истинный Бог и истинный человек).

Теперь тремя сложенными пальцами со словами «Во имя Отца...» мы прикасаемся ко лбу в знак освящения ума, затем со словами «...и Сына...» – к низу груди (и даже чуть ниже груди, к области пупка, чтобы начертанный на теле крест получился пропорциональным, а не «перевернутым») в знак освящения сердца, затем со словами «...и Святаго Духа!» – к правому и левому плечу в знак освящения дел рук наших и всех телесных сил. Наконец, опустив руку и поклонившись,

говорим: «Аминь». (Когда крестное знамение сопровождает другую молитву, эти слова, конечно, не произносятся.)

Освятить себя крестным знамением следует благоговейно и так, чтобы чувствовать прикосновение собственной руки (а не «крестить воздух»).

Крестное знамение сопровождает верующего повсюду. Мы крестимся, вставая с постели и ложась спать, выходя на улицу и входя в храм; перед едой крестимся сами и осеняем крестным знамением пищу. Крест Христов освящает собой всё и вся, и поэтому изображение его верующим на себе спасительно и душеполезно.

«И вот каждый из нас, кто вступает в храм, должен бы остановиться у притолоки, перекреститься благоговейно, внимательно, наложить на себя крест, сказать: я – Христов, и я в какой-то, хоть малой, мере несу на себе крест распятия. Распятия в том смысле, что я отрекаюсь от всего того, что является злом, неправдой, нечистотой, что безбожно, что недостойно ни меня, ни Самого Христа, отдавшего за меня Свою жизнь...

Крестное знамение надо совершать сознательно, с благоговением. Это не просто пустой привет, который ты отдаешь Богу, это исповедание твоей веры. Если бы немой человек оказался перед опасностью смерти от гонителя и ничего не умел сказать о своей вере, он мог бы поднять руку над головой, показывая крест: вот во что он верит. Поэтому класть на

себя крест надо благоговейно, сознательно: я действительно верю и прошу Бога освятить и ум, и нутро мое и Свою крепость дать моей немощи. Одновременно я верю в Его помощь и как бы держу знамя Его войска, открыто заявляю, что я Христов, что я верующий.

Перекрестившись, мы кланяемся. Мы все знаем, что значит поклониться: склонить голову или стать перед кем-нибудь на колени и до земли поклониться. Когда мы просим у кого-нибудь прощения от всего сердца, когда мы не можем слов найти, когда разрывается душа о том, что – ох, как бы я хотел выразить до конца свою скорбь о том, что я человека унизил, оскорбил! – мы становимся перед человеком на колени и кланяемся ему земно. И так мы кланяемся перед Богом; и не обязательно только прося прощения: мы как бы повергаемся ниц, падаем на колени перед Его величием... Этот поклон до земли – не раболепное движение, это движение предельной любви, предельного преклонения перед Кем-то, Кто так велик, так свят, так любим, так дивен и прекрасен»¹².

---

¹² *Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Войду в дом Твой...*

Как войти в храм

Перед входом в храм находится икона Иисуса Христа, которая говорит о том, что место это – свято. Оно, по слову Господа нашего Иисуса Христа, есть *дом молитвы* (ср.: Мф. 21, 13). Поклонившись перед ней и, не спеша, трижды осенив себя крестным знамением, человек входит внутрь храма и попадает в область, в которой живет и действует Живой Бог. Здесь нужно повторить то же самое, то есть трижды осенить себя крестным знамением со словами: «Боже, милостив буди мне, грешному» (по возможности чувствуя и понимая произносимые про себя слова). Затем, не нарушая глубокой тишины, мы проходим к иконе, которая находится посередине храма (это либо икона Христа, либо икона празднуемого события). Подойдя к иконе и снова трижды перекрестившись, ее целуют.

Но для многих людей, особенно вновь пришедших, эти действия непривычны и потому неестественны. При отсутствии живого чувства внешние знаки почтения иконе могут быть отложены на более поздний срок.

А теперь постараемся лучше понять, где мы находимся, с помощью того же **владыки Антония**.

«В храм человек входит через притвор. Притвор – это не только дверь, но и небольшое пространство между ней и са-

мым храмом. Теперь это место стало проходным; но в древности притвор играл громадную роль. В притворе стояли те люди, которые еще не были крещены (их называли **оглашенными**), и те, кто был исключен из церковного общения: кому нельзя было причащаться, потому что они нарушили какие-то основные правила христианской жизни...

Я употребил слово **оглашенные**. Оглашенные – это люди, которые слышали проповедь, слышали о Христе, до которых дошла эта весть, дошел голос (откуда и слово “оглашенные”) и которые зажглись интересом или верой. В этом отношении притвор тем архитектурно интересен, что он закрыт в сторону церкви и открыт в сторону улицы, то есть он открыт всему миру. Все, кто только услышат о Христе, все, у кого дрогнет сердце, у кого вдруг появится живой интерес, могут туда прийти; но там они должны были бы оставаться. Теперь мы этого не делаем, но в древности это соблюдалось строго. В храм вступали не через дверь, а через крещение, и, пока человек не был крещен, он оставался в притворе. Но для того чтобы люди могли молиться, часть службы совершалась при открытых дверях, так что стоявшие в притворе могли слышать ту часть богослужения, которая была поучением.

На стенах притвора часто изображались сцены Страшного суда, суда Божия над грешной душой; притвор был местом, где человек стоял перед судом своей совести. Чтобы сказать: “Да, я каюсь во всем, в чем я недостоин и себя, и ближнего, и

надежды, которую люди на меня возложили, и той красоты, которую Бог создал во мне, и Самого Бога”; люди стояли и осознавали это. И, когда их покаяние созревало, когда они были готовы, они могли вступить в храм через крещение.

Но в притворе стояли и те, кто после крещения нарушил какую-либо основную христианскую заповедь. Отлучались от Церкви, в сущности, люди, которые нарушили абсолютным образом закон любви. А именно: человеку, отрекшемуся от Бога и от Христа публично, не было уже места среди тех людей, которые жили Христом и верой. Человек, который убил своего ближнего, то есть проявил предельную нелюбовь, отсутствие всякого сострадания и любви, должен был выйти из храма. И наконец, люди, которые совершили прелюбодеяние, то есть вторглись в чужую любовь, разбили существующую любовь, уничтожили эту святыню, тоже лишались места в Царстве, где господствует только любовь. Вот они оставались в притворе до момента, когда время их покаяния пройдет, когда они будут обновлены этим покаянием.

Поэтому притвор широко открыт на улицу. Оттуда, из мира, может прийти всякий, кого коснется сознание своего недостойнства, кто услышит голос Божией любви. Раньше люди стояли в притворе, ожидая, что откроются врата самого храма и они вступят в область, которая является домом Божиим, уделом Божиим. В этом заключается смысл притвора, который, к сожалению, сейчас представляет собой только проходное пространство.

Говоря о том, что сейчас притвор не играет той богослужебной, литургической, молитвенной роли, которую он играл вначале, я употребил слово “к сожалению”. Неужели нам, верующим, жалко, что люди, только-только коснувшиеся *края ризы Христовой*, имеют возможность стоять в храме и присутствовать на всем богослужении? Конечно, нет; это и не зависть, и не чувство какого-то своего превосходства. Дело в том, что постепенное духовное вырастание начиналось именно слышанием слова Божия, от которого разгоралось сердце, светлел ум, которое двигало волю на то, чтобы переменить всю свою жизнь, сделать ее достойной своего собственного человеческого величия, достойной своего ближнего. И человек, переживший это, приходил и знал, что ему надо еще что-то пережить, что он не может просто перейти из состояния одичания в приемлемое состояние. Человек знал, что надо пройти через кризис, пережить нечто почти трагичное, – потому что когда стоишь перед судом своей совести всерьез, то страшнее ничего нет. Суд человеческий, даже гражданский суд, даже полевой суд не может быть таким страшным, как суд совести, когда человек стоит перед своей совестью и вдруг сознает, что он недостоин, что он не имеет права называть себя человеком, а не то что христианином.

И то, что сейчас можно пройти с улицы в храм просто, почти что из любопытства, лишает людей этой постепенности и сознания, что духовное вырастание дается подвигом.

Подвигом человек движется вперед. Когда человек должен был стоять в притворе перед судом совести, зная, что он еще не готов, – не то что недостоин, но не готов войти в область Божию, – ему приходилось день за днем, воскресенье за воскресеньем произносить над собой новый и новый суд. То есть все глубже и глубже он уходил в свою душу и все больше и больше сознавал то, чего сначала не сознавал в себе, но что постепенно ему открывалось этим стоянием перед закрытой дверью. Также бывает, что мы осознаем свою вину перед человеком только в том случае, если он нам скажет: нет, ты не имеешь права называться моим другом. Предатель, человек, который меня предал в момент моей крайней нужды, не может быть моим другом; ты должен мне сначала доказать, что ты снова стал верным другом... Вот почему, мне кажется, так важен был этот момент: стояние вне, перед закрытой дверью.

В Евангелии нам сказано: стучись в дверь, стучись, стучись – она тебе откроется. И действительно, люди стучались – не кулаками, конечно, а молитвой, покаянием, тоской по обновлению. И в это же время (разумеется, не во время богослужения, а в этот же период) их обучали, их учили тому, что значит быть христианином. Причем тогда больше, может быть, чем теперь, настаивали на том, что быть христианином значит не только верить в Бога, верить во Христа как своего Спасителя, Сына Божия, но и знать: если я поверил Христу, то вся моя жизнь должна перемениться. Моя есте-

ственная жизнь кончится в момент, когда меня будут крестить; моя животная жизнь, моя жизнь просто человеческая придет к концу; начнется другое измерение. Люди говорили: жить во Христе – или: Христос живет во мне. Это значило, что в каком-то отношении человек чувствовал: прошлая жизнь кончилась, началась новая жизнь, которая уже принадлежит и времени, и вечности, потому что вечность – Бог – вошла в мою жизнь...

...В течение целой недели мы, может быть, не жили достойно себя. И вот когда в воскресный день мы входим в храм, кладем крест на себя, мы должны остановиться и, как мытарь, сказать: *Господи, будь милостив мне, грешному!* [ср.: Лк. 18, 13]. Я пришел в место, где Твоя сила меня может обновить, где Твоя любовь меня может обнять, где Ты можешь меня научить Своим словом, очистить Своим действием, изменить, обновить до конца... вот с чем мы должны входить в храм – все, не только те, которые крещением в него входят, но и те, кто вступает в него каждое воскресенье или даже каждую службу. Даже священник должен приходить, останавливаться и говорить: Господи, будь милостив мне, грешному! Я вхожу в область, которая словно огнем горит; как бы мне не сгореть! Я буду произносить слова такие святы, что они могут обжечь мои уста, зажечь мою душу – или испепелить ее, если я их произношу недостойно, с ложью и лицемерием, с отсутствием правдивости... Я встречу Христа в этом храме: подойду к иконе, поцелую эту икону, –

как я ее поцелую? как Иуда поцеловал Христа, когда хотел Его предать? или как ребенок целует мать? или как в благоговении мы целуем руку человека, которого уважаем больше всех на свете?..

Вот в какую область мы входим; вот с каким чувством, с каким трепетом, внутренним страхом мы должны вступать в храм»¹³.

Войдешь в храм – и чувствуешь себя каким-то чужим. Все люди деловито подходят к иконам, шепчут слова, ставят свечи, кто-то кланяется в пояс около иконы, а некоторые наклоняются, касаясь рукой пола, переходят от одной иконе к другой, прикладывают губами к ликам святых. Смотришь и думаешь: «Есть ли во всем этом какой-то смысл? Нужно ли все делать именно так? По правилам это или нет?».

---

¹³ Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Войду в дом Твой...

Пространство храма

«Помню, когда я был студентом, я участвовал в богослужении в малюсеньком храме, размером с комнату. Это было в Париже; у нас тогда не было никаких денег, мы собрали гроши и создали эту церквушку... В этот храм можно было войти, пробравшись по длинному, темному коридору между кошками и крысами, которые дрались между собой; оформление было ужасное. Потом открывалась дверь, и – храм был, действительно, беднее некуда: фанерный иконостас, бумажные иконы... И вот, приехал к нам митрополит Елевферий¹⁴ из Литвы. Священник его приветствовал и говорил: “Владыко, простите, что мы вас принимаем в таком убогом храме...” – и тот его остановил и сказал: “Никогда не называйте храм убогим; в храме живет Бог, и самый малый храм – шире небес...”»¹⁵

---

¹⁴ Елевферий (Богоявленский, 1870–1940), митрополит Литовский. Под его управлением были русские православные приходы в Западной Европе, сохранившие каноническое подчинение Московскому Патриархату.

¹⁵ *Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Войду в дом Твой...*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.